

КОГНІТИВНА МЕТАФОРА В НАУКОВОМУ ТЕКСТІ П. О. ЛАВРОВСЬКОГО

У статті розглядаються метафори порівняльно-історичного мовознавства на матеріалі праці П. О. Лавровського «Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями» (1859). Вихідним є усталене в когнітивістиці положення про те, що метафорика тексту дає змогу актуалізувати концептуальні метафори у свідомості науковця. Простежено вербалізацію загальномовних і наукових метафоричних моделей, зокрема на позначення мови та пізнання, встановлено кількісні показники вживання їх різновидів і типів порівняно з тими, що зафіксовані в тексті М. О. Максимовича «Новые письма к М. П. Погодину. О старобытности малороссийского наречия» (1863).

Ключові слова: науковий текст/дискурс, історія української мови, когнітивна метафора, П. Лавровський.

Сучасна когнітивна наука послідовно зосереджується на проблематиці соціального й емоційного аспектів пізнання та їхнього мозкового субстрату, все більше набуваючи рис «когнітивно-афективно-соціальної нейронауки»¹.

Уже сформованими можна вважати тлумачення когнітивної метафори як механізму активації нейронних зв'язків (нейрофізіологічний рівень функціонування головного мозку), а концептуальної метафори — як проєкції між поняттєвими ділянками (рівень поняттєвого мислення)².

У когнітивному напрямі вивчення наукового тексту/дискурсу домінує теза, що метафоричні моделі, які в ньому існують, по-перше, формують ментальний простір для наукової діяльності й комунікації, і, по-друге, стають матеріалом для створення моделі об'єкта наукового пізнання. Учений моделює систему понять, необхідну для опису й представлення об'єкта, за допомогою системи термінів. Цей тип моделей отримав назву гносеологічних за функцією, яку він виконує. Як вважає Н. Мишанкіна, гносеологічна метафора створює ядро авторської моделі об'єкта, що вивчається³. Водночас, на її переконання, всі метафоричні моделі, маючи прагматичний, а інколи й сугестивний потенціал, визначають і те, як їх сприймає читач, надто якщо

¹ Фаликман М. В. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. — 2014. — № 1. — С. 2.

² Кульчицкая Л. В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. — 2012. — № 11. — С. 89.

³ Мишанкина Н. А. Язык науки в зеркале когнитивной методологии // Język i metoda. — 2015. — N 2. — С. 155.

автор уживає аксіологічно зорієнтовані архетипні моделі⁴. Отже, метафорика тексту спрямовує до концептуальних метафор свідомості в цілому⁵.

Постулюючи зростання інтересу мовознавців до метафори в науковому тексті, відзначимо праці когнітивно-дискурсивного напрямку⁶. Так, М. О. Бурмистрова вивчає метафору в нейтральних і стилістично маркованих текстах, визначаючи співвідношення між прямими (в тому числі індивідуально-авторськими), транспонованими й синестезичними, лінгвістика наголошує на значному зростанні кількості індивідуальних метафор у стилістично маркованих текстах⁷.

На думку О. Ю. Фетисова, лінгвістичне вивчення метафори в науковому тексті пов'язане з необхідністю встановлення чіткої системи критеріїв визначення метафоричного висловлення, а відтак із розв'язанням глобальної проблеми — суб'єктивності лінгвістичного аналізу⁸.

Серед досягнень компаративного мовознавства варто відзначити дослідження А. В. Карташової, яка, порівнюючи когнітивні метафори в наукових текстах англійською та російською мовами, показує відмінності в структурній, онтологічній, орієнтаційній метафоричності. Дослідниця констатує, що в англійськомовному матеріалі переважає онтологічна метафорика, зокрема домінує модель «матеріальний об'єкт — це персона (людина), яка проходить етапи життя». Натомість у російськомовних текстах перевага надається моделі «абстрактна сутність — це об'єкт тактильного сприйняття»⁹. Г. М. Дядюра зосереджується на проблемі функціонування метафор, які можуть залишитися на рівні образів або перетворитися на повноцінні терміни¹⁰.

Проблемам перекладу метафор у науково-технічному тексті присвячені праці О. Голікової та І. Ляшкової¹¹. Німецький економічний медіадискурс різноаспектно розглядає Г. Строганова¹².

Певний інтерес виявляють мовознавці і до наукових текстів з історії української мови. Зокрема, І. Сокур дослідила антропоморфні метафори П. Житецького, звернувши увагу на термінологізовані. Дослідниця підкреслила, що метафори, втілюючися переважно за допомогою дієслів та ад'єк-

⁴ Там же. — С. 153–155.

⁵ Элеонора Р. Лассан. Существует ли риторика научного дискурса? // Stylistyka. — 2014. — N 23. — С. 239.

⁶ Див.: Силантьев И. В. Семантика метафоры в языке науки // Критика и семиотика. — 2012. — Вып. 17. — С. 200–201.

⁷ Бурмистрова М. А. Когнитивная метафора в научном тексте : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — 26 с.

⁸ Фетисов А. Ю. Метафора в научном тексте: понимание текста и субъективность лингвистического анализа // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. Филол. науки. — 2014. — № 4. — С. 48.

⁹ Карташова А. В. Element metaphors as the means of scientific knowledge representation // Мова і культура = Язык и культура. — 2012. — Вып. 15. Т. 3. — С. 98–103.

¹⁰ Дядюра Г. М. Номинативные метафоры в научных текстах // Management and Education. UNIVERSITY «Prof. Dr. Assen Zlatarov». — Burgas, 2013. — Vol. 9. — P. 31–35.

¹¹ Ляшкова І. І., Голікова О. М. Метафора як засіб втілення наукового знання в англійській мові та проблема еквівалентності перекладу на українську // Вісн. нац. техн. ун-ту «Харківський політехнічний інститут». Серія «Актуальні проблеми розвитку українського суспільства». — Х., 2016. — № 13. — С. 67–70.

¹² Строганова Г. Індивідуально-авторські метафори в німецькому економічному медіадискурсі // Young Scientist. — August, 2017. — N 8. — С. 151–155.

тивів, відображають один з основних архаїчних стереотипів сприйняття — антропоцентризм¹³.

Вивчення когнітивної метафори в науковому тексті XIX ст. актуалізує методологічні, теоретичні константи тогочасного дискурсу, спрямовує до когнітивних процесів автора-науковця, опосередковано вказуючи на його пріоритети. Це дає змогу розглянути проблеми становлення методології порівняльно-історичного мовознавства середини XIX ст., встановити співвідношення між мовними й дискурсивними моделями, визначити пріоритетні для автора мовні форми¹⁴.

Для простеження найбільш прикметних рис розвитку когнітивної метафори в науковому тексті XIX ст. ми обрали «Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительного с великорусским и другими славянскими наречиями»¹⁵ П. О. Лавровського, на прикладі якого розглянемо специфіку метафоричних моделей (далі — ММ). Шляхом суцільної вибірки виокремлено 531 ММ. Тотожний за проблематикою, але трохи менший за обсягом текст М. О. Максимовича, — один з його відомих листів про самотність української мови «К истории малорусского языка (Филологические письма к М. П. Погодину)»¹⁶, — цікавив нас також у зв'язку з групуванням ММ та співвідношенням мовних, дискурсивних, індивідуальних моделей. Оскільки в ньому ми виокремили всього 205 ММ, доречно порівняти не абсолютні, а відносні кількісні показники, що дасть змогу коректно представити розподіл типів ММ в історико-мовному дискурсі середини XIX ст.

До методологічних слід віднести модель «пізнання=рух», яка відповідає уявленням про мисленнєві процеси як про рух, зміну. Очевидно, це загальнономовна модель. Зосередження уваги на певному значенні чи мовній формі у П. О. Лавровського передано дієсловом *остановиться*: «нельзя не остановиться», «я останавлиюсь на приведенных Шафариком», «заставляет остановиться на разбираемой особенности», «не останавливаясь на этих отличиях», «останавливает на себе внимание».

За допомогою таких моделей вербалізуються уявлення про мислення як процес руху, на що можуть вказувати дієслівні форми:

«дело шло удовлетворительно», «проведены паралельно 20 особенностей», «извлечены из Шафарика признаки Великорусского и Бел. языков», «по положению в науке», «полагаю», «я ограничусь несколькими», «я могу привести только два слова», «выходя из того положения, которое может быть выведено из только что приведенных примеров», «следует, думаю, заключить из множества примеров замены г», «явление обратное только-что приведенному», «не могу не сделать сближения вставки д перед л, в западных Слав. Наречиях», «в приведенных словах», «малороссиянин особенно

¹³ Сокур И. А. Метафора в научном тексте П. И. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» // Мова і культура = Язык и культура. — 2012. — Вип. 15. Т. 7. — С. 266–267.

¹⁴ Наєнко Г. М. Метафоричні моделі в науковому тексті Михайла Максимовича // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур : Пам'яті акад. Л. Булаховського. — К., 2016. — Вип. 29. — С. 85–92.

¹⁵ Лавровский П. А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительного с великорусским и другими славянскими наречиями // Журн. М-ва нар. просвещения. — СПб., 1859. — Ч. 102. Отд. 3. — С. 225–266.

¹⁶ Максимович М. О. К истории малорусского языка : Филолог. письма к М. П. Погодину // Киев явился градомъ великимъ... : Вибр. українознав. твори / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису В. О. Замлинський. — К., 1994. — С. 345–387.

любит прибежать к звуку с», «здесь можно присоединить и удержанные черты от древности», «ограничиваясь приведением немногих особенностей», «пробегая мысленно все приведенные выше черты Малорусского наречия», «должны обратиться с большим еще правом опять к гипотезе», «не считаю нужным много распространяться о причине», «противоречит выведенному много большему родству Млр. наречия с последним», «обращаюсь к третьему отделу».

Модель «пізнання=бачення» слід кваліфікувати як неусвідомлений акцент на першому етапі пізнання — спостереженні. До неї належать фрагменти висловлювань, що вербалізують семантику пізнання як процесу споглядання, бачення. На це вказує вже сама назва статті. ММ «пізнання=бачення» реалізовано в низці інших прикладів: «*обзор <...> особенностей*», «*составить полный обзор общих его особенностей*», «*я оканчиваю обзор особенностей*», «*обращаюсь к третьему отделу — к обзору особенностей*».

Форми дієслів із семантикою споглядання і похідні прислівники можуть формувати й загальномовні моделі:

*«опустить его из вида», «было обращено<...> внимание образованных ученых», «не отпуская из вида», «мы не должны терять из вида его значения», «мы обратим внимание», «нельзя опустить из вида и замечательной замены», «я имею в виду», «в виде общего замечания», «значение <...> видно ясно», «сколько видно из межевой Галицко-Русской записи», «едва ли не должно видеть влияние Польского языка», «в форме <...> нельзя не видеть причастия прошедшего», «очевиднейшим свидетельством крепости родственных, пожалуй-хоть и родовых, отношений народа», «сближение очевидно», «подобной прочности не видно в д», «смешение обоих звуков очевидно», «отсюда видно, что брошюра Головацкого не имела целию», «обозреть черты наречия южно-Русского», «ложный взгляд на свой язык Лучкая и Левицкого», «для полного взгляда на Малорусское», «я не вижу решительно основания», «мы далеки от того, чтобы видеть в этом и совершенно твердое ы», «в форме <...> нельзя не видеть причастия прошедшего», «на первый взгляд странность», «давало повод некоторым ученым, встретившим выражение ось в Летописи Лавр., видеть в нем противоречие мысли»; «встречаем <...> особые формы», «заметнее постепенное сглаживание некоторых черт его», «являлись некоторые замечания в трудах Максимовича», «непрочности воззрения <...> на самый предмет», «принимая во внимание указанные пособия», «считаю не лишним кратко указать на место для них в ряду других наречий Славянских», «с целью рассмотреть их происхождение», «мы не можем показать фактически отсутствие в древнейшем Малорус. наречии звука ѣ», «об одной из отличительных черт наречия Малорос.», «нельзя не заметить особенной любви Малороссиян», «следует заметить», «то же замечается и у Русин-ов Карпатских», «произвола в глазах языковеда», «этот закон легко обнаружится», «становится очевиднее», «замечу, в заключение, определение второго и третьего отличий нареч. Малорусского», «и здесь не отличить различное произношение ы с согласными горланними», «кроме указанных свойств», «представляют немало отличия от последнего», «указывают на родство», «должно смотреть не на слова», «замечательной особенностью», «указывающей довольно наглядно отличною заменою», «должно смотреть и на замену ь — ы», «в числе отличительных черт <...> в звуках», «постараемся указать на черты», «представляет <...> замечательную особенность», «должно смотреть», «как на явление обратное», «это свойство <...> заметно и в звуке», «древнейшее свойство языка, встречаемое в первых памятниках его письменности», «на что указывает и народное Великорусское **ндрав**», «свойство наречия Млр., это больше всего заметно», «что не редко встречается и в других языках родственных», «и не указать на преимущественно выдающиеся особенности в нем наречия Малорусского», «следует заметить», «очевиднейшим свидетельством», «бо-*

лее отличий замечается», «о чем имели мы случай заметить выше», «эта мена очевидна», «в местоимениях замечательно употребление древнего **сь**», «местоимение *встречается*», «нельзя не подметить», «такое равенство *встречаем*», «*встречаем* и свойства общие», «эти свойства очень замечательны и важны, у тех-же Подгальян *встречаем*», «между предложениями нередко *встречаются* составные», «между союзами весьма замечательно по своему сложению слово», «о частице **ка**, *попавшейся* мне два раза», «замечательно удержание формы», «обращение принятое всеми западными и южными наречиями», «замечается и в некоторых говорах Влр.», «синтаксис не может представлять резких особенностей и для Млр. наречия», «при обозрении синтаксиса Малорусского», «легко замечаем», «замечая резкое единство», «хотя, по-видимому, это и противоречит», «между такими-то чертами замечательно», «какая появилась впоследствии», «могут указывать выражения», «нельзя не заметить особенной любви Малороссиян», «очевиднейшим свидетельством крепости родственных, пожалуй-хоть и родовых, отношений народа».

Водночас активне начало притаманне самим лінгвальним явищам, що виявляються, тому дослідники їх бачать, помічають:

«через поднятие **а** в **ѣ**, явилось **кіе**», «ничем не отличалось от Галицко-русского», «не отличающимися также богатством», «есть явление едва ли не обще-Славянское», «такое явление есть дело уже позднейшего развития», «явление в языке», «явление есть обще-Славянское и не может служить отличительной чертой Млр. наречия», «явление это отчасти известно и Польскому наречию», «с оттенком особой ласки и нежности», «где **ѣе** вм. **ое** явилось и в Влр. наречии», «глагол **плыть** представляет особенность», «особенностей, <...> или отличных от Ст.-Славянского и Великорусского».

Низка метафоричних моделей також має антропоморфний характер, утворюючи тип «щось=живий організм». До них належать висловлювання із семантикою «країна, народ=людина, живий організм»:

«весь запад Малороссии <...> почти не знает и вм. **о**, употребляя **уи**»; «народ оставил, хотя и безсознательно, воспоминание о прежней его жизни»; «стремление народа»; «любовь Малор. народа к уменьшительным именам».

До підгрупи «наука=живий організм» належать вислови:

«остається <...> одна грамматика Павловского», «вышла брошюра Головацкого», «розправа о язици южн.» <...> должна занять первое место», «составляет плод его знакомства», «сравнительная филология определила», «Вагилевич удержал в грамматике своей правописание **о** вм. **и**», «определение <...> не совсем справедливо», «замечание это <...> требует пополнения», «в некоторых местах сохраняется еще непосредственно смягчаемое **д**», «первая, как программа, говорит оглавлением уже о неполноте», «время, следовательно, и обстоятельства требуют подробного и точного собрания всех особенностей наречия Малорусского», «время <...> служит достаточным ручательством».

До підгрупи ММ «природа=живий організм» належать такі висловлювання:

«в названиях тех рек, которые носят одинаковое имя с реками, их принимающими, и которые по тому самому рассматриваются, как меньшие, младшие», «с делением <...> согласовалось деление земли на добрую, среднюю

и худую», «главных источников в древности богатства народа Русского», «обычай был <...> в ходу у Великороссиян».

У межах цієї ж моделі виділяємо й велику підгрупу «мова=живий організм». Погляд на мову як біологічний організм, що розвивається під впливом клімату, харчування, умов життя, поширився у мовознавстві з працями Я. Грімма, Ф. Боппа, почасти В. фон Гумбольдта, а також Г. Курціуса та особливо А. Шлейхера¹⁷.

Уся сукупність фрагментів висловлювань із цим значенням може бути сегментована докладніше.

«Мова=рослина», має корені, форму, росте тощо:

«удерживается и коренной согласный звук б», «из разложения коренных звуков», «усиление коренного ь», «переход коренного звука в другой», «на удержание коренного звука (и)», «к коренному значению и», «коренное и могло остаться <...> в первобытном своем виде», «с коренным и», «корень слова бондарь родствен с Санскр. Банд», «в корнях слов <...> разложился или изменился», «свойство <...> удерживать <...> коренной звук», «коренное отзвучное т», «о прочности <...> в корнях слов», «и не сохранилось с тем же коренным значением <...> какое удерживается у Малороссиян», «коренное значение и здесь есть молодость», «остается с коренным значением», «корень ман <...> живет доселе», «коренные согласные гортанные», «из разложения коренных звуков», «нар. малор. включает в себе немало глаголов от корней, не участвующих», «коренной звук», «при сравнении языков отрасли Индо-Европейской».

Із цих фрагментів висловлювань випливає, що прикметник *коренной* уживався зі значенням «первісний, першопочатковий», а термін *корінь слова* має метафоричну природу.

Мова здатна розвиватися як живий організм, має гілки, як рослина:

«долготы гласного а, развившегося въ рус. яз., в силу его полногласия», «переход о в и находится в поре <...> развития и далеко не установившегося», «и первое обращает д в дж, хотя и не успевшее еще развиться в один сложный звук», «такое явление есть дело уже позднейшего развития», «уже позднейшего развития языка», «из этого у в. о, развившегося в двогласный звук уи», «развившем в себе <...> своеобразные черты», «происхождение звука, как развитие коренного и», «и не развилось из последнего, а уцелело от первобытных времен», «не успевши потерпеть никаких видоизменений», «не допустивши развития в ы, принятого всеми наречиями», «черты, развитые в этом наречии», «поражает <...> развитость, подвижность, особенная мягкость и нежность Млр. наречия <...> при образовании родовых имен личных, имен уменьшительных и ласкательных», «значением, какое развито в наречии Малор.», «окончание <...> вполне развиты в польском», «свойство <...> столь развитое в наречии Млр.», «не столь развито, как в Малорусском и Польском», «количество и степень развития свойств общих».

ММ «мова=людина» актуалізує такі її риси, як наявність характеру й вияв людських емоцій і відчуттів:

«о решительно не допускает перехода», «и в е находит подтверждение», «остаётся без изменения в ъ — или возвращается», «наречие, чуждаясь подобного превращения ь в ъ, изменило первое <...> в е», «место, зани-

¹⁷ Danylenko A. Oleksandr Popov (1855–80) and the Reconstruction of Indo-European Noun Inflection // Language and History. — 2016. — N 59. — P. 114–116.

маемое звуком **е** в словах, еще яснее *говорит* о несуществовании никакой связи с **Ъ**, и о происхождении **е** из **Ъ**», «**о** не терпит обращения в **и**, не допускают и ее слова, при разнообразном характере звука **о**», «намеки на это делают косвенные падежи», «при отсутствии знакомства с соплеменными наречиями, памятники не обнаруживают далеко той общности **Ъ** в м. коренного **и**», «гортанные <...> напоминают о древнем своем характере соединяться», «древний характер <...> исчез», «первое из этих двух слов еще может привести в сомнение», «любовью к этому смягчению Млр. наречие превзошло все остальные», «наречие не забыло сего свойства также», «окончание выражает происхождение», «для столь же любимого второго уменьшительного окончания», «любовь к этим окончаниям так велика у Малороссиян», «поражает <...> любовь Млр. наречия к соединению возвратного местоимения **ся** с глаголами средними», «числительные слились с управлением первого и требуют родит. единственного», «(звуки) находят оправдание в родстве с. Влр. наречием», «наречие <...> обнаруживает», «звуки одного органа допускают только замену обоюдную звучных и отзвучных», «замена сильнее всех остальных распространенная в наречии Млр.», «явление отчасти известно и Польскому наречию», «окончание **ка**, употребляясь наравне, с окончанием **иа**», «очень близко другое — **га**, выражающее или свойство вообще <...> или употребляемое наравне», «в словах <...> встречающихся», «отвергает предлоги в словах», «наречие <...> сохранило», «памятники не предлагают ни одного факта в языке своем», «предлагают множество примеров», «нар. допуская иногда **ть**», «смягчение <...> необходимо для Млр., хотя, по-видимому, это и противоречит».

До підгрупи ММ «розвиток мови=рух» зараховуємо фрагменти висловлювань із смисловими домінантами переходу, зміни, обміну, рідше — перетворення чи утримання. Отже, автор наголошує на динамічному характері мови, вихоплюючи окремі моменти з безперервного руху системи:

«есть переход **о** в **и**», «переходного **о**», «рядом с переходом **о** с удержанием в **и**», «**о** решительно не допускает перехода», «переход существует», «этот переход находится в тесной связи не столько с ударением, сколько <...> с утраченной уже долгою», «переход **о** в **и** находится в поре <...> развития и далеко не установившегося», «не развился ли переход **о** в **и** при посредстве того же **у**», «стремления в народе переходит от одного органа звуков в другой», «перехода **о** в **у**», «при переходе **о** в **и**», «объяснение перехода», «непосредственный переход **о** в **и**», «вследствие естественности перехода», «сходно с переходом **о** в **у**», «переход **г** в **к** совершился», «как единственный случай перехода **а** в **у** составляет слово **мочула**», «не допускающих перехода», «в **с** перешел и звук **в**», «такой переход принадлежит одним существ. ж. р. на **а**».

Сюди ж належать ММ з дієсловом *іти* та похідними від *ходити* — *переходити*:

«**о** совсем другого происхождения», «произношение <...> идет», «по происхождению своему», «самим происхождением **о** из первоначального **у**», «конечно, и произношение **дрыва** идет еще с начала XV века», «звучное **д** перешло в отзвук **т**», «близость к Сербскому идет и далее, на местные говоры», «причастия прошедшего, обратившегося в прилагательное», «оба слова происходят», «из того-же **к**, по равенству **ъ** с **у**, произошло и **ку**», «окончание перешло», «могло произойти сходство», «и о происхождении **е** из **ъ**», «**о** совсем другого происхождения», «дшедших до нас актов», «очень сходно с этой особенностью нар. Млр. и польское выражение».

Зміну в звуковій чи граматичній будові також передає лексема *мена* та спільнокореневі іменники й прикметники, проте більш навантаженим виявляється позначення сталості, незмінності мовних одиниць чи ознак:

«**о** остается неизменным», «**о**, измененное в **и** в первом, удерживается во втором», «**и** остается неизменяемым», «мена звучных и отзвучных», «так звук **г** заменяется посредством **к**», «к замене обоюдной звучных и отзвучных принадлежат», «гортанные заменяют шипящие или свистящие», «последние заменяют нередко гортанные звуки», «мена шипящих на свистящие с особенною силою *развита*», «взаимная мена <...> не распространена», «замена сильнее всех остальных распространенная в наречии Млр.», «здесь звучное **з** сменило перед **л**, нередко взаимная мена», «место и время так часто в языке заменяются одно другим», «где **ш** сменило **ж**», «смешение дательного с предложным».

Про тотожність понять переходу й зміни в текстах П. О. Лавровського свідчить повторення спільнокореневих лексем, що їх позначають: «Взаимная мена гортанных, шипящих и свистящих и многие другие делают Малор. наречие переходным от северного, Великорусского, к Южным славянским».

На позначення руху вживаються й інші дієслова та похідні від них:

«приставные **и** и **о**», «произношение гораздо более приближающееся к **ы**», «**г**, **к**, **х** соединяются», «ст.-сл. **ж** обратилось в **у**», «за которым следовал в древнюю пору **ъ**», «звук отделяясь представляет», «и первое обращает д в **дж**», «появление д», «перестановка звуков в Млр. наречии *развита* преимущественно», «в силу своей подвижности», «потому-же самому опускается и **и** в глаголе **сыкаты**», «полногласие распространено», «наречие сближается», «за которыми следовал в древности глухой звук».

Із протилежним значенням уживаються дієслова, що передають незмінність:

«отсюда д, удержанное в ст.-сл. коренни <...> могло удержаться и развиться»; «коренные гортанные удерживаются»; «удерживается и коренной согласный звук **б**»; «и сохранилось в <...> этом несложном виде»; «наречия <...> удерживают»; «кроме числительного **три**, удерживающего по сию пору окончания **мя** для творит. падежа»; «прочно удержались от старины»; «существительные удерживают».

Інші форми руху, зміни положення в просторі П. О. Лавровський передає так:

«из разложения коренных звуков», «несколько существительных и прилагательных <...> обратившихся в наречные выражения», «через поднятие **а** в **ъ**, явилось **кіе**», «опущено как лишнее», «это смягчение простерлось и далее», «никогда не допускалось до гортанных», «управление исчезло, слившись с управлением **два**», «обращение **е** в **ю**», «слитное будущее с вспомогательным глаголом», «обращение принятое всеми западными и южными наречиями», «сближение с говором Великорусским», «за которым должен следовать **ъ** или **ь**», «замена сильнее всех остальных распространяемая в наречии Млр.», «имена существительные, оканчивающиеся в Влр. нар., удваивают согласную и изменяют конечное», «с окончанием **ха** сливается другое», «**ъ** превращался в **и**», «не **ы** сменилось, а **у** осталось», «звук **у** остается неизменным», «гласные носовые исчезли», «двогласность распространилась далеко не везде по наречиям».

Мова народжується, живе як певний організм, має «родичів»:

«древние глухие», «считать его позднейшим развитием из древнейшего **ъ**», «явление достигнет полной зрелости и совершенно окрепнет», «могло родиться на востоке и в некоторых частях запада», «восточная часть великой России не только не чуждается этого звука», «родственных языков»,

«указывают на родство», «родственник, как Слав. **ужик**», «глухие гласные звуки <...> изменились в чистые», «во время жизни еще первого в устах народа, или в пору его *слабления и изгнания* развившимся исключительно **г**», «родственный отзвук является», «чуждый звук **ф**», «живущие в устах народа», «в других языках родственных», «придающих особую личность наречию Малорусскому», «сродство звуков», «слова отличаются <...> особым родом <...> что принадлежит исключительно», «форма <...> *живет* донныне», «первое лицо получило окончание **мо**», «формы этимологические <...> *стареют, забываются*», «звуки <...> как родственные гортанный, свистящий и шипящий», «но *строй мысли*, а с нею и облечения ее в слово остаются теми же, *допуская только большую напряженность*», «как *плод развития образованности*, Млр. наречие имеет также свои особенности», «не имеет сродства с Польским *le* в слове», «в наречии же Млр. оно *живет* донныне», «отношения Млр. наречия к родственным», «наречие Малор. *стоит* в ближайшем родстве с Великорусским», «черты <...> одинаково *живущие* и в Сербском наречии», «двойственное число *живет* также в тех словах», «звательный *падеж* существительных *живет*», «противоречит выведенному много большему родству Млр. наречия с последним», «родством *говора Малорусского* с Русинским Карпатским и подтверждаемой общими чертами с Сербским наречием, которые легко могли развиваться на соседних с Сербскими поселениями Карпатах», «Млр. наречие <...> *стоит* ближе к Польскому», «окончание совершенно *поизбло*, и не сохранилось», «голова Славянская *устроена* одинаково», «черты, сродных с Сербским наречием».

П. О. Лавровський відзначає також соціальний характер мови на всіх її структурних рівнях, що втілено в таких метафорах:

«господствует **дю**», «коренной звук является *господствующим о*», «остаётся *господствующим у* вместо **о** (=и)», «преобладание **и**», «представляется ему <...> исключительное *господство*», «памятники заключают разительное доказательство *господства и*», «при мысли об исконном *господстве* у южных Руссов одного **г**(=h)», «трудно объяснить подобную *непоследовательность* в замене, *следом или воспоминанием господствовавшего* некогда **г** служит и особое в некоей местности южной России произношение его», «как на действительно *господствующих*», «в <...> названиях лиц, *сделавшихся* потом *унизительными*», «из первоначальной формы **братр** <...> *господствующей* в древности у всех Славян», «что *принадлежит* исключительно», «отвергает *предлоги* в словах», «*Служат* те же *окончания, какие господствуют*», «не исключительно *принадлежащих* *говору* Млр.», «*господствует* она и в народной словесности», «*дают* этому наречию *право* на такое же самостоятельное место, какое занимают и другие наречия Славянские», «*господство* *выговора г* (=h)», «*свойства* являются *господствующими*», «в такой же *силе* *остаётся* и *наращение*», «поражает отсутствие <...> и почти исключительное *господство* определенной *в имит. падеже*».

Низка метафор може входити до різних підгруп і одночасно належати до моделей «мова = людина», «пізнання = бачення»:

«чаще всех *встречаются й, в, г*», «наречие Млр. *представляет* случаи и опущения впереди слова как гласного, так и слогласного звука», «*глагол* **пльть** *представляет* особенность»,

або до моделей «розвиток мови = рух» і водночас «пізнання = бачення»:

«переход *губных* *встречается*», «родовые личные имена <...> *охватывают* одними окончаниями», «решиться сделать *предположение* об этом *влиянии*», «эта близость есть случайная, *происшедшая* вследствие

<...> влияния Польши на Малоруссию», «Млр. наречие не представляет особенностей».

Загалом антропоморфних моделей виявлено 193, тобто 36, 34%.

До ММ «мова=предмет» відносимо метафори, що відбивають уявлення про мову як предмет, знаряддя. Це наближення до розуміння мови як інструмента, конкретної речі: «*наречие Малорусское <...> не служило предметом исключительным для обработки <...> как средство, пособие*».

З іншого боку, у праці П. Лавровського зафіксовано погляд на мову як систему, тобто сукупність пов'язаних між собою елементів: «*разбросанные <...> особенности говоров <...> Головацким сведены в одну систему*», «*в системе звуков, Млр.и Влр. представляют единство*», «*система в том и другом для обоих наречий совершенно одинакова*».

Хоч мова й має складний внутрішній устрій, над нею можливі різні механічні дії: «*вследствие <...> непрерывного трения в устах народа*», «*как будто откалываются с обоих концов и чрез несколько веков такой жизни своей являются такими малыми оскравышами некогда бывшего целого*».

Інші ММ актуалізують поняття про складну внутрішню будову мови:

«рядом с огромным количеством черт общих в последнем свойстве общице и с другим наречием», «*общее смешение ы и и*», «*наречие перенесло управление числительных*», «*приставка и перед согласными*», «*малороссиянин перенес даже смягчение через л и на звук ж*», «*ы смешалось в говоре Малороссиян*», «*исключительная принадлежность наречия Млр.*», «*который сохранил еще свою гласность*», «*имеет в Млр. наречии и особое значение при словах бранных*», «*окончание, попадающее в памятниках*», «*Млр. наречие пользуется теми же окончаниями*», «*наречие Малорусское хранит еще до сих пор некоторые свойства языка древнего Славянского, затерянные в Великорусском наречии*», «*местоимение <...> пошло <...> и сделалось как бы техническим выражением при словах*», «*слово <...> сохраняет е*», «*предложный падеж <...> имеет му*», «*дательный падеж иногда отбрасывает у*», «*третьи лица потеряли признак свой ть, что принадлежит, в различных говорах, всем без исключения наречиям*», «*второе лицо <...> потеряло гласное окончание*», «*глагол сохраняет <...> окончание*», «*попался мне без предлога родительный падеж*», «*этот переход находится в тесной связи не столько с ударением, сколько <...> с утраченной уже долгою*», «*придают к фамилии отцов тоже окончание енко*», «*подобным же образом составляются фамилии*», «*обычай принадлежал*», «*сюда же отнесем и коушь*», «*составляет образование уменьшительных на ко*», «*что касается до значения*», «*таким же способом укоротилось в Млр. ка из каже*», «*к ним принадлежат: смягчение гортанных*», «*также смешались оба падежа*», «*вследствие сохранения*», «*этих форм и определенные формы употребляются*», «*в глаголах <...> уцелело <...> смягчение*», «*будущее сложное составляет <...> который употребляется <...>*», «*повелительное образуется*», «*наряду <...> можно поставить*», «*словосочинение <...> удерживается несравненно крепче, передаваясь от одного поколения к другому*», «*вследствие подобной прочности его и независимости <...> оно хранится <...>*», «*хотя и принадлежит другим <...> наречиям*», «*свойств богатой и драгоценной Малорусской народной словесности, как со стороны ее содержания, так и внешней формы*», «*[наречию] придавалась такая форма*», «*он касается звуков*», «*но собранным особенностям*», «*к автору трудно было отыскать и мерило, по которому бы можно было неопустительно собрать отличительные свойства взятого им для исследования наречия*», «*заняться обработкою языка этой словесности*», «*можно разве отделить одну часть слов, выговор которых однообразен и опирается*», «*говорится о потере малоруссами широкого ы и о смешении его*», «*равный звуку и другим наречий*», «*не взято ли оно из Польского*», «*как на остаток носового звука*», «*массы слов*», «*это и уже отвердело*», «*сделалось совер-*

шенно чистым гласным», «вознаграждением потери звучной согласной», «в каждом отдельно взятом наречии Славянском», «опускаются и др. гласные», «эта прочность упомянутых звуков обнаруживается как в склонении и спряжении», «сохранение коренного звучного звука, обыкновенно обращаемого в языке Великороссиян в соответствующий ему отзвук», «сложное будущее составляется», «отдаленность в этом отношении Млр. наречия от Сербского появилась вследствие <...> влияния», «количество <...> никогда не может и не должно служить мерилом <...> коренного родства их», «мерилом <...> останется строй языка, звуков и системы его форм», «нельзя и думать о большей близости к Малорусскому наречию Польского», «есть примеры и остатка двойственного числа после два», «особенностей <...> или отличных от ст.-Славянского и Великорусского, или уцелевших от древнего времени и потерянных в последнем».

Порівняймо відносну кількість розглянутих ММ у текстах П. О. Лавровського «Обзор...» та М. Максимовича «Письмо II» (див. табл.).

Таблиця

Уживання ММ у текстах П. Лавровського та М. Максимовича		
Метафорична модель	Відносна кількість ММ у П. О. Лавровського (%)	Відносна кількість ММ у М. О. Максимовича (%)
пізнання = рух	5, 46	9, 75
пізнання = бачення	20, 9	22, 43
країна, наука, природа=живий організм	4, 14	6, 28
мова = рослина	4, 5	2, 43
рзвиток мови = рух	27, 12	7, 31
мова = член родини	7, 72	3, 9
мова = емоційна істота	6, 21	29, 75
мова = суспільна істота	5, 64	—
мова = предмет	14, 8	14, 63
мова = тканина	—	1, 95

Метафорика розглянутих текстів спрямовує нас до порівняльно-історичного дискурсу в цілому, де анімістичні моделі об'єкта становлять переважну більшість, низка з них термінологізувалася: *родство говорів, глухой звук, древний звук, развитие языка, наречие переходное, перестановка звуков, переход* [звуків], *приставные* [звуки], *происхождение* [слов, звуків], *строй* языка.

Водночас тут зароджувалося розуміння мови як системи (ще до Ф. де Соссюра), узгоджуючися при цьому з панівним уявленням про мову як члена родини мов (ще до А. Мейє). Тут можна помітити й механістичну метафору, що, як відомо, запанувала в радянському мовознавстві ХХ ст.: «мова=засіб, інструмент».

Спільне розуміння пізнання як спостереження або руху ґрунтується на загальнономовних метафорах.

Отже, П. О. Лавровський, на відміну від М. О. Максимовича, зосереджувався на динамічній природі мови, про що свідчить численна кількість

уживаних ним моделей «розвиток мови=рух», «пізнання=рух». Натомість М. О. Максимович переважно наголошував на родинних стосунках української мови, пропонуючи метафору *язьки-братья*. Ще важливішим для нього був емотивний складник буття мови, особливо *любов* до певних звуків і морфем, тоді як П. О. Лавровський вказував також і на її суспільну природу.

Н. М. NAYENKO

COGNITIVE METAPHOR IN P. O. LAVROVSKY'S SCIENTIFIC TEXT

The author analyzes the metaphors of comparative-historical linguistics based on the material of P. O. Lavrovsky's work *A Survey of the Outstanding Features of the Little Russian Language in comparison to Great Russian and Other Slavic Languages* (1859). The article is based on the well-known theoretical grounding in cognitive linguistics, according to which the system of textual metaphors makes it possible to explore the conceptual metaphors in the mentality of a certain scholar. The study of cognitive metaphors used in scientific texts of the 19th century shows methodological and theoretical concepts of the contemporaneous discourse, links to the cognitive process of a scholar, while stressing indirectly his priorities. The article examines problems in the formation of methods of the comparative-historical linguistics in the mid-19th century, outlines the interrelation between linguistic and discourse models, and determines linguistic patterns characteristic of certain authors.

Among the methodological models, one should name the model 'cognition = progress' which reflects an idea about the cognitive processes as change and progress. The model 'cognition = understanding' represents fragments of utterings which realize the semantics of cognition as a process of observation. The use of this model is to be viewed as an unconscious emphasis on the initial stage of cognition, that is, observation. This fact is reflected in the title of the aforementioned study, to wit, a 'survey of features'. At the same time, the pro-active component is typical of linguistic phenomena proper which become obvious, and this is why the students can see and observe them.

Some metaphorical models have an anthropomorphic character and have the model 'something = a living organism'. This is a statement with the meaning 'a country, people = a human being, a living organism'. Within the framework of this model the author finds a large subgroup with the meaning 'language = a living organism'. The concept of language as a biological organism, dependent on the climate, food, living conditions, became common in the linguistic theory as a result of the contributions made by J. Grimm, F. Bopp, partly W. von Humboldt, and also by G. Curtius and especially A. Schleicher.

The article looks into the verbalization of the model 'language = plant', 'language = a human being', which demonstrates such features typical of human beings as, for instance, 'the o does not allow in no way a change'; 'the change of i into ě meets support', 'the development of language = motion' (fragments of the statements with the sense dominants of transformation, change, exchange, rarely, of transformation or conservation, for instance, 'the intent of the people to move from one speech organ to another', 'the transition of o into i', 'the explanation of a transition'). P. O. Lavrovsky notices also the social character of language, for instance, 'dju prevails', 'the root sound o becomes prevalent'.

The author also compares the quantitative representation of metaphoric models to those recorded in M. O. Maksymovych's *New Letters to M. P. Pogodin. On the Ancient Character of the Little Russian Language* (1863).

The metaphoric features of the text analyzed in this article brings in a comparative-historical discourse where there are more anthropomorphic models of object than others; some of them become terms, e.g., 'the kinship of dialects', 'a voiceless sound', 'an ancient sound', 'the development of language', 'a transitional language', 'the permutation of sounds', 'a transition of sounds', 'prefixed sounds', 'the origins (of words, sounds)', 'the build of a language'.

One finds here also the inception of a new understanding of language as a system (before F. de Saussure) which was aligned to the conception of language as a language family member (before A. Meillet). One also comes across a mechanistic metaphor which became common in the Soviet 20th-century-linguistics, e. g. 'language = a means, tool'.

The understanding of cognition as observation or motion is based on general linguistic metaphors.

Unlike M. O. Maksymovych, P. O. Lavrovsky focused on the dynamic nature of language which is illustrated by a large number of models like ‘the development of language = motion’ or ‘cognition = motion’. Meanwhile, M. O. Maksymovych emphasized on the kinship relations of the Ukrainian language, thus coming up with the metaphor ‘languages = brother’. Even more important for him was the emotive element of language, in particular ‘love’ for certain sounds and morphemes. P. O. Lavrovsky also indicated the social character of language.

Keywords: scientific text / discourse, history of the Ukrainian language, cognitive metaphor, P. Lavrovsky.